

В ПРОСЛОЙКЕ вождей прогрессивные силы африканского континента сначала видели серьезную помеху в движении к независимости, а теперь они рассматривают ее как одно из наиболее важных препятствий на пути социальных преобразований, общественного прогресса в целом.

Для защиты своих интересов вожди создавали собственные политические партии. В колониальную эпоху эти партии пользовались открытой поддержкой администрации и в своем большинстве распались после завоевания африканскими странами независимости, а кое-где и раньше. Но в ряде стран, вроде Нигерии, Уганды, они сберегли свое влияние до самого последнего времени.

Сохранение вождями позиций в атмосфере растущей враждебности со стороны крестьянства, со стороны многих других слоев африканского общества может

общества», такие, как «поро» у некоторых народов Сьерра-Леоне, Гвинеи и Либерии, «огбони» у йоруба Нигерии. В прошлом эти общества играли двоякую роль. Охраняя религиозные обычаи и традиции, они в то же время помогали преодолевать противоречия, возникающие между отдельными кланами и племенами, они скрепляли единство, которое можно, за неимением лучшего термина, назвать надродовым. При определенных обстоятельствах они становились в руках правящей в доколониальном обществе прослойки орудием для расправы с недовольными, для подавления оппозиции вождям. В Ойо, столице древней империи йоруба, говорят, что «каждый оба должен иметь свое огбони», подразумевая, что, только опираясь на тайное общество «огбони», вождь будет обладать реальной властью.

Хотя в современной Тропической Африке былой авторитет тайных обществ поколеблен, они

низовать деятельность областного парламента. Было начато расследование, для чего создали комиссию во главе с верховным судьей Александром. Собранные этой комиссией факты оказались столь скандальными, что опубликование отчета о расследовании было запрещено. Он увидел свет лишь после военного переворота 1965 года, да и то ненадолго. Вскоре его изъяли из обращения.

Центральной фигурой в документах следствия был лидер партии «Оту-Идо», «премьер-министр» при верховном вожде Беннина, глава тайного религиозного общества «овегбе», 73-летний старец — вождь Омо-Осаджи. Известный нигерийский журналист Питер Энахоро писал о нем на страницах лагосской газеты «Дейли тайм», что «его тело принадлежит одному поколению, но его память бродит в другом времени». Следствие очистило вождя от обвинений в подготовке убийства, но подтвердило, что воз-

В. ИОРДАНСКИЙ

Кандидат исторических наук

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ

Вожди и народ

показаться парадоксальным. Но нельзя забывать, что если разорение крестьянства сопровождалось ростом в деревне возмущения засильем вождей, то одновременно это вело к увеличению зависимости каждого отдельного крестьянина от богатея-вождя. Это было весьма серьезным внутренним противоречием крестьянства. В условиях изоляции деревни, в обстановке раздробленности африканского крестьянства вторая сторона процесса обычно доминировала над первой, позволяя вождям вести за собой довольно значительные крестьянские массы.

Вместе с тем вожди охотно апеллировали к религиозным суевериям крестьянства и часто опирались на действующие издавна религиозно-политические «тайные

далеко еще не утратили своего значения. Это обнаружилось довольно неожиданным образом, во время острой борьбы в Бенине, столице Средне-Западной области Нигерии, в начале 60-х годов между двумя политическими группировками — блоком Национального совета нигерийских граждан (НСНС) и «Оту-Идо» (Ассоциация лиц, говорящих на идо) и Группой действия. Блок НСНС и «Оту-Идо» объединял главным образом выходцев из соседней Восточной Нигерии — ибо и местных уроженцев — бини. В Группе действия были представлены преимущественно йоруба из Западной области.

Политическая обстановка в Бенине была исключительно напряженной. Премьер-министр областного правительства Осадебай обвинял блок НСНС и «Оту-Идо» в том, что он замыслил его убийство и собирается с помощью вооруженных хулиганов дезорга-

главаемая им партия «Оту-Идо» опирается на запрещенное законом тайное общество бини «овегбе». Члены этого общества составляли как бы ударный кулак партии и приносили священную клятву верности лично Омо-Осаджи. Деятельность «овегбе» усилилась в 50-х годах, когда оно приступило к разгрому тайного общества йоруба «огбони», на которое опиралась Группа действия. Запрет «овегбе» не остановил роста его влияния.

Помимо вождя Омо-Осаджи, перед комиссией прошла целая шеренга ведущих деятелей «Оту-Идо» и «овегбе». Это был бывший министр внутренних дел областного правительства принц Шака Маду, назвавший себя Львом Среднего Запада и предложивший суду доказать, что он неуязвим для пуль благодаря особому принимаемому вместе с едой составу. Свои показания комиссии дал знахарь из Беннина, он же «капи-

Окончание. См. «Азия и Африка сегодня» № 1—2 за 1969 год.

тан» общества «овегбе», который немало заработал на сооружении часовен для общества. Сенсацией было появление жрицы Кейка Эфесе, показавшей суду танец «овегбе» под звуки песни: «Гремит колокол Овегбе, сжимаются сердца у всех огбони».

Эта связь возглавляемых знатью бенинских партий с пережитками далекого прошлого, эта их опора на архаичные общественные отношения позволяет представить себе очень важную сторону партийного развития вообще в странах Тропической Африки. В большей либо меньшей степени эти же связи с архаикой африканского общества прослеживаются даже у некоторых прогрессивных движений континента. В своей работе любая африканская партия бывает вынуждена прибегать и к языку и к лозунгам, которые могут найти отклик и оставить след в сознании, еще не освободившемся от предрассудков или суеверий прошлого. Наряду с этим партии вырабатывают идеологию, которая была бы понятна и приемлема для современного африканца, мыслящего современными политическими категориями.

И устойчивость доклассовых общественных отношений, и медленность сдвигов, происходящих в сознании крестьянства, позволяют знати сохранять в современной Африке немалое влияние и авторитет. В сущности любой, даже самый незначительный шаг вперед невозможен в Тропической Африке без столкновения с этой силой, косной и реакционной. Так общественное противоречие, возникшее в деревне и первоначально связанное с внутриобщинными отношениями, приобрело национальный характер. Ныне против вождей и их союзников поднимаются не только более или менее значительные группы крестьянства, но временами также буржуазия и интеллигенция.

Исторический опыт последних лет показал, что в бывших английских колониях, где колонизаторами были сохранены «реликтовые» государства с характерной для них сложной социальной иерархией, у буржуазии возникает конфликт с вождями из-за проблемы, которую можно было определить как проблему модернизации государственных структур. Существование внутри современного государства королевств, султанатов, эмиратов и тому подобных средневековых образований, конечно, не могло быть терпимо после завоевания независимости. Это ослабляло государст-

венную машину, создавало предпосылки для расцвета разнообразных местных, а иногда и сепаратистских политических тенденций. В ряде случаев сохранение этих «реликтовых» государств нарушало столь важную для буржуазии монополию на власть.

Дважды, в Нигерии и в Уганде, правительствами были сделаны практические шаги по ликвидации архаичных государственных структур. И каждый раз борьба приводила к возникновению предельно драматических ситуаций. В Нигерии проба сил правительства и вождей закончилась поражением правительства¹. Напротив, в Уганде чаша весов склонялась не в пользу знати.

Уганда стала независимой 9 октября 1962 года. В силу вступила конституция, превращавшая страну в своеобразную федерацию нескольких королевств: так называемых западных королевств, а именно: Торо, Анколе, Буньоро, а также территории Бусога и королевства Буганда. В каждом из этих реликтовых государств сохранялись традиционные правители, рядом с которыми продолжали действовать советы вождей. Правда, автономия Торо, Анколе, Буньоро и Бусога была в значительной степени урезана конституцией 1962 года. В 1963 году парламент страны одобрил Закон о западных королевствах и территории Бусога, в котором статьей 28-й предусматривалось, что в этих федеральных государствах ни один законопроект не может быть внесен на рассмотрение их «собраниями» до тех пор, пока министр по делам областной администрации центрального правительства его не одобрит.

Знаменательно, однако, что королевство Буганда не было охвачено действием нового закона. Его положение в федерации было особенным. В сущности конституцией 1962 года закреплялась гегемония Буганды в федерации, ибо ни одно центральное правительство не могло бы работать без сотрудничества с властями королевства. Гегемония Буганды закреплялась и тем, что ее верховный вождь, носящий титул «кабака», стал президентом всего государства. Что касается самой Буганды, то там полный контроль за положением сохраняли вожди. Приспосабливаясь к условиям современной политической борьбы,

вожди еще в 1961 году создали свою политическую организацию — партию «Кабака йекка» («Только кабака»). Партия начала так называться после митинга, на котором толпа фанатичных сторонников трона кричала: «Только кабака!» — «Кабака йекка!».

Целью этой организации было сохранение власти монарха. Ее сторонники клялись, что будут верны кабаке, что сплотят всех преданных трону людей и не допустят, чтобы политические сдвиги разрушили «культурное» наследие Буганды. Организатором движения «Кабака йекка» удалось многого добиться: к концу 1961 года все действующие в Буганде партии, за исключением Демократической, слились с ним. В Законодательном собрании королевства, или «лукико», движение контролировало 65 из 68 мест. Председателем партии стал премьер-министр Буганды Майкл Кинту.

Однако в самом успехе заключались зерна противоречий, которые позднее обусловили политическое поражение движения. В рядах ставшего в сущности общенациональным блока, естественно, появилась оппозиция консервативным, связанным с тронным лидером. В 1963 году из партии вышел депутат И. Мусази, заявивший свой протест против того, что «механизм правительства кабаки подчинен правящей клике, цели которой расходятся с интересами народа страны». Мусази был известен в Уганде своим законопроектом, который он внес в сентябре 1962 года с целью лишить бугандских вождей и министров доходов, получаемых ими с тронных земель «майло». Он же критиковал в целом земельные отношения в Буганде как порабощающие простого крестьянина. Через две недели после выступления Мусази требования пересмотреть систему «майло» и резкая критика вождей прозвучали на митинге, созванном одной из секций «Кабака йекка» — «Организацией рядовых общинников».

С каждым месяцем становилось очевиднее, что без ликвидации системы федерализма какой-либо социальный прогресс в Уганде невозможен. Это же было и предпосылкой для нормализации этнических отношений в государстве, изуродованных искусственным сохранением привилегированного положения Буганды. Вместе с тем обстановка была столь сложной, что долгое время человек, ставший центром притяжения заинтересованных в социальном прогрессе сил, — лидер Союза народов

¹ См. статью Е. Коршунова «Испытания Нигерии» («Азия и Африка сегодня» № 10—12 за 1968 год).

Уганды Милтон Оботе — был вынужден сотрудничать с «Кабака йекка». Только в августе 1964 года Оботе решился разорвать свой 27-месячный союз с этой партией.

Но понадобилось еще около полутора лет, чтобы Оботе набрал достаточно сил для решительного натиска на федеральную структуру Уганды и бугандскую гегемонию в этой федерации. 22 февраля 1966 года он отменил действие конституции 1962 года.

С этого времени события начали развиваться с нарастающей силой, достигнув пика напряженности к маю. 2 марта Милтон Оботе заявил, что берет в свои руки полномочия президента, которым до этого оставался кабака Буганды Мутеса II. 15 апреля новый президент провозгласил основную закон Уганды, введяший унитарную систему управления. Одновременно прежняя конституция окончательно утрачивала силу.

Согласно новому основному закону, в Уганде устанавливался президентский режим. Предусматривались также значительные изменения в положении королевств, и главным образом Буганды. Бугандские власти больше не имели права контролировать назначения в государственном аппарате, ликвидировался верховный суд Буганды и вся параллельная судебная система королевства, вожди теряли право голоса в собраниях королевств, что затрагивало опять-таки одну Буганду, где 11 вождей входили в состав королевского парламента «лукико». Наконец, «лукико» лишился привилегии назначать сам 21 депутата в парламент всей страны. Конституцией ликвидировались автономные права королевств и территории Бусога.

Политика Оботе, направленная на унификацию государства, встречала и прежде сопротивление со стороны вождей отдель-

ных королевств, со стороны консервативных традиционалистских элементов. Но никогда раньше центральному правительству не приходилось сталкиваться с противодействием в таких масштабах, которые приобрели выступления против реформ в Буганде. В то время как в провинции звучали речи о походе на столицу страны Кампалу и даже о выходе из состава Угандийской федерации, парламент королевства 20 мая одобрил предложение, требующее от центрального правительства вывести все свои учреждения из Кампалы к 30 мая на том основании, что правительство было незаконным и неконституционным.

Эта резолюция была расценена правительством как акт мятежа, и три вождя, ее непосредственные авторы, были арестованы. Дворец кабаки был окружен войсками. Его сторонники попытались поднять восстание среди крестьянства, но реакция деревни не оказалась столь сильной, как они надеялись. После короткого военного столкновения у дворца кабаки Мутеса II бежал, сопровождаемый премьером своего правительства. 10 июня президент Оботе сообщил на пресс-конференции, что центральное правительство взяло на себя управление Бугандой. Это выступление знаменовало собой торжество его плана унификации страны.

В сентябре 1967 года после двухмесячного обсуждения в парламенте вступила в силу третья со времени независимости конституция. Все королевства ликвидировались, и страна делилась на 18 дистриктов. Буганда, в частности, была разделена на четыре дистрикта. Все регалии королей и тронная собственность конфисковались. Президент становился главой правительства и государства, верховным главнокомандующим. Ему предоставлялось право

назначения 21 депутата в парламент, насчитывающий 82 депутатских места.

Возможна ли в Буганде реставрация монархии? Центральное правительство, видимо, не исключает такой перспективы и принимает меры, чтобы закрепить результаты проведенных реформ. Система «майло», на которой зиждилось экономическое влияние вождей, ликвидирована в Буганде, и за ее восстановление вряд ли осмелится выступить даже консерватор, мечтающий о возвращении Мутесы II на дедовский трон.

События в Буганде в феврале — мае 1966 года следует считать революцией, хотя формально они и выглядят лишь как конфликт между президентом Мутесой II и его премьер-министром Милтоном Оботе, а само смещение короля-президента произошло не в результате выступления народных масс, а по решению центрального правительства. Разрушив позиции старой знати, к власти в Уганде пришел блок буржуазии и богатого крестьянства, выступающий от имени всего народа и до настоящего времени осуществивший реформы, в которых были действительно заинтересованы широкие слои народа.

Можно ли утверждать, что дни вождей в Тропической Африке сочтены? Хотя и неоспоримо, что они как социальная сила уходят в прошлое, у них есть и значительные экономические позиции, и моральный авторитет. Наконец, нельзя забывать, что вождь в Тропической Африке — обычно фигура религиозная. В определенном смысле слова все государства Тропической Африки доколониального периода были теократиями. Свои давние религиозные функции африканские вожди часто сохраняют в полной мере, хотя проникновение христианства и ислама, распространение синкретических верований подорвало позиции традиционных религиозных культов. Сегодня не редкость, когда сам вождь — христианин, но продолжает выполнять обряды традиционной для его народа религии.

Лишь в редких случаях, когда в силу особых причин компромисс оказывается недостижим, буржуазия вступает в столкновение с вождями. Значительно чаще встречаются примеры сотрудничества двух общественных групп, которое отчасти облегчается изменением самой социальной сущности вождей. Складывается впечатление, что кое-где в Тропиче-

НАРОД, БОГАТЫЙ ПЕСНЯМИ

Творчество одного из крупнейших нигерийских народов — йоруба отличается богатством песенных произведений. Среди них особой популярностью пользуются так называемые орики — ритуальные песни под аккомпанемент тамтама, иджара — охотничьи песни, оду и иви — песни, исполняемые на праздниках масок.

ской Африке буржуазия отводит вождям роль младшего партнера в предприятии, которое называется государственной властью.

Эта тенденция отчетливо обнаружилась в Гане после военного переворота 1966 года. Военные власти страны провели своеобразную «чистку», «свергнув» особым декретом около 130 вождей. Тогда же в прессе развернулась оживленная дискуссия о будущей роли вождей.

Большинство участников спора считало целесообразным сохранить в будущей Гане институт традиционных вождей. В комментарии по поводу особого декрета военных властей, опубликованном в правительственной газете «Гэниэн таймс», писалось: «В конце концов мы все согласны с тем, что институт вождей должен быть сохранен». Но каким образом? И сама же газета отвечала: «Только закрыв дорогу вождям к политике».

Этот эпизод современной истории Ганы интересен, поскольку показывает, как сложно иной раз складываются отношения между старыми и новыми правителями континента и на каких условиях в конечном счете достигается компромисс. Он достигается, правда, в большинстве случаев. После того как буржуазия перестает опасаться претензий со стороны аристократии, она легко и быстро находит с последней общий язык. Со страниц правительственных газет, из речей политических деятелей сразу же исчезают былые нападки на традиционную знать. Складывается блок буржуазии и аристократии.

Прочен ли он? Думается, что нет. Прежде всего в деревне оппозиция крестьянства всевластию вождей становится постепенно столь значительной, что правительство оказывается вынужденным принимать меры, ограничивающие их произвол. Следует также учитывать, что отнюдь не вся традиционная знать умеет приспособиваться к новым условиям; значительная ее часть разоряется, сливаясь с крестьянством, из среды которого она когда-то вышла. На ее место в деревне приходят ростовщик, торговец, мелкий чиновник, так что власть денег вытесняет власть обычая, которую персонифицировали вожди. Эта тенденция современности оказывается на деле сильнее даже склонности африканской буржуазии к соглашательству с самыми реакционными и косными силами африканского прошлого.

Первая в истории страны

Асфия Алим получила в университете Карачи диплом инженера. Она — первая в истории Пакистана женщина-инженер.

...Сначала я удивлялся: идешь по улицам трехмиллионного города и почти не видишь женщин; сидишь в кинотеатре — вокруг одни мужчины; присуствуешь на заседании парламента — Национальной ассамблеи — только шесть мест из 156 занято женщинами. Мужчины продают в бесчисленных лавчонках немудреный товар, пекут прямо на улицах лепешки-чапати, жарят на вертелах цыплят с очень острым перцем — тика. Не встретишь женщин на заводах, фабриках и тем более в государственных учреждениях.

Так повелось исстари. Веками женщина была домашней рабыней, не пользовалась никакими политическими или общественными правами.

Трудно пробить стену вековых традиций. Красноречиво свидетельствуют об этом цифры официальной статистики. 80 процентов женщин современного Западного Пакистана до сих пор носят чадру. Вся их жизнь проходит за стенами отчего и мужнего дома. Из общего числа работающих в Пакистане лишь 2,9 процента составляют женщины.

«Страна не может развиваться и идти вперед в ногу со временем без пробуждения женщин», — сказал президент Пакистана Айюб-хан, выступая на собрании Женской мусульманской лиги в Дакке.

Уже сделаны первые шаги на пути к эмансипации пакистанской женщины. Открылись женские гимназии, девушек стали принимать в колледжи и университеты. В Западной Пакистане на 60 миллионов жителей приходится 400 врачей-женщин и две тысячи медицинских сестер; 48 тысяч женщин заняты в сфере общественного труда. Для Пакистана, где 20 лет назад женщина вообще не имела права находиться рядом с посторонним мужчиной, это уже существенный сдвиг.

Интересные данные сообщает пакистанская печать о планах и намерениях самих девушек — учащихся женских гимназий: 70 процентов из них хотят работать — стать учителями, врачами или медсестрами. Наиболее привлекательной оказалась профессия стюардессы — половина опрошенных гимназисток высказалась за нее. Все девушки приводят при этом одну существенную оговорку: «Если позволят родители...».

...Асфия Алим стала первой женщиной-инженером. Ей 21 год. Она была единственной студенткой инженерного факультета, на котором учится тысяча человек.

Сейчас на факультете уже 12 девушек. Начало положено.

Карачи

В. БАВИЛОВ